

УЮТНЫЙ
РОМАН

Глава 1

Мама была права. Мама была права, утверждая, что мужа не стоит баловать изысканными завтраками, идеально глаженными рубашками и уютной тишиной выходного дня. Не стоит, потому что муж все равно может уйти. Лиза Чердынцева обвела взглядом комнату, заметила торчащий из шкафа рукав плаща и вздохнула. Ее муж вчера ушел. Ушел с одной сумкой, в которую аккуратно сложил белье, костюм и куртку. Ее муж Андрей был умным, добрым и красивым, он очень любил их дочь, но все равно ушел к тетке с двойным подбородком, толстыми ногами, похожими на букву «Х», и прической, как у Джеки Чана, — черные блестящие волосы лежали шлемом вокруг ее круглого плоского лица. «Я несправедлива. Я злюсь, поэтому несправедлива», — Лиза дважды повторила про себя фразу, но объективности в отношении тетки-разлучницы не прибавилось. Как ни странно, изменивший муж злости не вызывал. Он уходил так благородно, что Лизе даже захотелось упаковать для него несколько кастрюль — вдруг в его новой семье их не хватает. «Впрочем, такая имеет всё — и кастрюли, и сковородки, и чужих красивых мужей», — опомнилась Лиза и по-

пыталась разозлиться. Ей до сих пор не верилось, что все эти сборы — окончательный и бесповоротный разрыв, итог их семилетней жизни, конец их дома — дома уютного, суматошного и немного безалаберного.

Лиза наблюдала, как Андрей тщательно, знакомыми жестами складывает вещи, и почти не ощущала беспокойства. Казалось, муж собирался в командировку.

— Ты точно все решил? — наконец спросила она.

— Лиза, да, точно. Но мы будем общаться, и Ксюшу я буду навещать часто. Думаю, ты не будешь возражать.

— А почему я должна возражать?

— Ну, мало ли... — смутился Андрей и принялся складывать свои трусы. Аккуратно так, шовчик к шовчику.

— Брось ты это! — не выдержала Лиза.

Андрей поднял голову и, набрав в легкие воздуха, произнес:

— Лиза, не надо...

— Брось мучиться, трусы сложи в стопку и сверни в рулончик. И быстро, и не помнутся, и места мало в сумке займут.

— А... — благодарно отозвался уходивший муж.

Лиза про себя усмехнулась: «Никогда! Никогда я никого не останавливала. И его не стану!» Она прошла на кухню и зашумела кофеваркой.

Андрей ушел, даже кофе не попил. Лиза стояла у окна. Вот он усаживается в машину,

осторожно лавирует, выезжая со двора, а затем автомобиль, набрав скорость, вливается в поток Ленинградского проспекта. «Интересно, где он теперь будет жить?» — Лиза впервые за последний год задала себе вопрос, ответ на который иные жены на ее месте знали бы уже давно. Лиза же была нелюбопытна. И не очень внимательна. И доверчива. Всезнанию она интуитивно предпочитала неинформированное спокойствие.

— У него любовница, — сообщали ей со всех «заинтересованных» сторон.

— Что-то он у тебя очень задумчивым стал... Даже для ученого-биолога это слишком... — подмечала ближайшая подруга Марина.

— Да? — удивлялась Лиза и даже не пыталась присмотреться к мужу. Она знала, что в силу своего легкого характера, широты натуры и легкого пофигизма Андрей вполне искренне сможет разделить себя на две равные части — семейную и любовную. И сделает он это по-доброму и искренне. Ну, вот такой характер! Перемена места жительства, конечно, намекала на то, что интересы несколько сместились. Впрочем, Лиза не сомневалась: в ближайшие выходные Андрей появится на пороге ее дома.

Когда машина бывшего мужа исчезла из вида, Лиза принялась за уборку. В ее доме всегда было чисто, но сейчас, когда после сборов в доме нарушился привычный уклад, Лиза засучила рукава, достала пылесос и принялась наводить блеск. Работа ее отвлекала сразу от двух тяжелых

мыслей. Первая звучала примерно так: «Вот я теперь одинокая женщина!» Вторая была более оригинальной: «Перед мамой надо предстать во всеоружии — чтобы она даже не заподозрила, о моих переживаниях!» Вторая мысль была назойливой и противной — Лизе казалось, что ее обязательно будут выводить на чистую воду и добиваться от нее положенных слез и причитаний. «Но что поделать, если я не переживаю! Во всяком случае, пока!» Лиза на ходу взглянула на себя в зеркало и с удивлением отметила, что столь неприятное событие вовсе не отразилось на ее внешности.

К маме она явилась ровно в три часа. К дому родителей Лиза подошла чуть раньше, но, взяв себя в руки, дождалась оговоренного времени, и только когда большая стрелка на часах вплотную подошла к двенадцати, Лиза вошла в подъезд. В огромном гулком вестибюле ее встретила консьержка. Лиза миновала зеркальную стену, потом поднялась по лестничному пролету и только потом вошла в лифт. За это время она успела тайком перекреститься, несколько раз глубоко вздохнуть и прошептать про себя: «Ну в конце-то концов! Мне тридцать лет!» Лиза не могла избавиться от ощущения вины, будто это она ушла из семьи, бросив шестилетнего ребенка.

— Привет! — Лиза весело поздоровалась с мамой.

— Здравствуй! — сурово ответила Элалия Павловна.

— Где Ксения? Как она?

— Она с Ритой пошла в «Армению» за чурчхелой.

Рита была приходящей домработницей, порой она выполняла роль няни. Мама испытующе посмотрела на Лизу и произнесла:

— Ксения — нормально. Пока. Но что будет дальше?! — Элалия Павловна многозначительно пожала плечами.

— Все будет хорошо. — Лиза намеренно тщательно выбирала яблоко в большой вазе, пытаясь отвлечь маму и не позволить ей сосредоточиться на допросе.

— Ну, Андрей что, уехал? — спросила Элалия Павловна.

Лиза ответила не сразу, словно показывая, что есть дела поважнее, чем обсуждение поступков мужа. Например, отрывание яблочного хвостика.

— Да, уехал, — наконец ответила она.

— Ясно. Как вообще ты могла это допустить?! У вас же ребенок?! — Мама выпалила все эти вопросы на одном дыхании.

— Мам, я ничего не допускала. Я даже ничего не замечала. И потом, если это должно было случиться...

— Что — это?

— Ну, — тут Лиза смутилась, она не очень привыкла откровенничать с матерью. — Ну, то, что он влюбился...

— Господи, влюбляйся сколько влезет! Но тогда детей не заводи!

— Мам, что ты на меня сердишься? Это же не я ушла. — Лиза робко попыталась успокоить мать.

— Неважно! Семья — это двое, оба виноваты, когда такое происходит!

Лиза промолчала. Она действительно ощущала вину, и это чувство было сильнее обиды. «Сейчас мама мне внушит, что все произошло из-за меня!» Лиза посмотрела на обгрызенное яблоко, собираясь заплакать.

— Кто она? Эта мадам, к которой он ушел?

— Понятия не имею, — растерянно пожала плечами Лиза. Заплакать не удалось — она не ожидала, что мать задаст подобный вопрос.

— Как? Совсем ничего не знаешь? — Элалия Павловна с удивлением посмотрела на дочь.

— Совсем. Мне это неинтересно. Это ведь ничего не изменит, если я буду знать, какого цвета у нее глаза и где она работает. — Лиза не лукавила: как выглядит соперница, она узнала совершенно случайно.

— Да? — Чувствовалось, что мать растерялась. В этом спокойном неведении дочери было какое-то превосходство.

— Да, — односложно ответила Лиза, мечтая о том, чтобы эта беседа закончилась как можно быстрее.

— Ну? Он хоть что-нибудь сказал?! Как вообще это происходило?! — Мама по-прежнему возмущенно смотрела на дочь.

— Никак. Он спокойно собрал сумку — какое-то белье, костюмы, куртку... Мам, представляешь, он ушел с одной сумкой...

— А что тут представлять?! У него же ничего нет! Квартира принадлежит нам... — Теперь в мамином голосе послышалась агрессивная уверенность...

Тут надо заметить, что гордостью семьи Чердынцевых, кроме не вызывающих сомнений карьерных достижений, была еще их собственная звучная фамилия и... недвижимость. Отец Лизы, «тихий барин», как его называла одна из консьержек, был конструктором. Над чем он работал — никто никогда не знал, и это считалось делом вполне естественным. Видимо, не скороварки паяли на его производстве. Именно от этого производства Петру Васильевичу и дали неплохую квартиру в сталинском доме в районе метро «Сокол». И только Петр Васильевич обрадовался, что до работы можно будет добираться пешком в серые переулки Ходынки, как умерла родственница жены и семья получила в наследство огромную квартиру в знаменитом доме Нирнзее в самом центре Москвы в двух шагах от Красной площади. Элалия Павловна, жена Петра Васильевича, дама волевая, несмотря на «мягкое», придуманное родителями имя, железной рукой организовала переезд в великолепное жилище с огромными потолками и окнами. Но не все члены семьи разделяли ее энтузиазм.

— Вы даже не понимаете, что второго такого дома в Москве — нет! — восклицала она.

Действительно, второго такого дома в Москве не было. Тут Элалия Павловна, музыковед, педа-

гог, автор нескольких учебников и вообще очень культурная женщина, не преувеличивала.

Немец Нирнзее свой доходный дом «недорогих квартир» построил в Большом Гнездиновском переулке в 1913 году. Расчищая площадку под строительство, он снес кучу маленьких домишек, выбрал самый необычный проект, пригласил художника Головина для создания огромного панно, и вот уже вскоре дом-легенда превратил уютный московский переулок вблизи Пушкинской площади в ущелье — огромный дом возвышался скалой и застил солнце. Эрнст Карлович был человеком крайне практичным, а потому квартиры были небольшие и недорогие. Расчет оказался верным — маленькое жилье пользовалось у москвичей успехом. К тому же на крыше дома был зеленый двор, кинотеатр и ресторан. Родственники же Чердынцевых по материнской линии были из «бывших» — две «графинюшки», вдовы с детьми, каким-то образом затерялись в огромном доме и пережили самые лихие времена. Когда Лиза была маленькой, она помнила нечастые визиты в эти заставленные мебелью квартиры — старухи, уже внучки тех самых вдовьих детей, жили небогато, стол их был скуден, но хороший кофе имелся всегда.

Чердынцевы переехали в Большой Гнездиновский в тот год, когда Лиза заканчивала школу, ее младший брат Боря перешел в пятый класс, а Элалия Павловна выпустила свой первый учебник по истории русской музыки девятнадцатого века.

Элалия Павловна восклицала:

— Вы не понимаете происходящего! Мы будем жить в самом центре Москвы, в знаменитом доме! Это же сердце русской и советской культуры.

Вслед за этим восклицанием она перечисляла имена и фамилии, и всем казалось, что Элалия Павловна зачитывает вслух том Советской энциклопедии. Сын Боря помалкивал — он уже знал, что маму переспорить нельзя. Лиза переезду радовалась — по сравнению с тихими и почти провинциальными Песчаными улицами «Сокола» здесь ощущался столичный драйв. Да и сам дом ее удивлял — огромные вестибюли и широкие сквозные лестницы, четыре лифта, специальный зал для проведения различных мероприятий, апартаменты (иначе и не скажешь), консьержка. Попадая сюда, сразу забывались типовое жилье, теснота лестничных площадок, унылые малярные эксперименты ЖЭКов. Впрочем, этот дом был чем-то вызывающим и в эпоху нового строительства — уникальная архитектура, основательность отделки этого старинного гиганта превращали дом Нирнзее в подлинный шедевр, все же остальное на его фоне казалось дешевым новоделом.

Квартиру Элалия Павловна оформила так, что приходящие гости только качали головами. Дорогой вычурной мебели было немного, и этот сознательный лаконизм подчеркивал размеры и объемы. По стенам в дорогих рамках были развешаны старинные фотографии всего семейства

Чердынцевых — женщины в кружевных платьях, сановники с неестественно прямыми спинами и огромными орденами на груди, дети в матросских костюмчиках. Отдельно висели фотографии советских и партийных деятелей — Чердынцевы умели делать карьеру при любой власти. Родни Петра Васильевича было совсем немного — лица его предков казались не такими надменными, костюмы не такими щеголеватыми.

— Ваша ветвь всегда была ближе к земле, — снисходительно отмечала Элалия Павловна. Забавно, что и Петр Васильевич, и его жена — оба они были Чердынцевыми. Только разных, очень дальних ветвей этого рода, таких дальних, что и родственниками их считать было нельзя. По-знайомили Петра и Элалию друзья, решившие познакомиться друг с другом двух редких однофамильцев.

«Мой маленький паровозик!» — так, будучи в состоянии легкого «навеселе», при гостях, Петр Васильевич опрометчиво, но точно охарактеризовал супругу. Энергичная, пробивная, громкая и вся какая-то округлая, Элалия Павловна в семье была локомотивом.

— Ты — в отца! Ты вся в его родню! — часто слышала Лиза в свой адрес и нисколько не обижалась на слегка пренебрежительный тон матери. Отец казался дочери верхом совершенства — спокойный, работающий, ласковый, не склонный к перепадам настроения, он был близок с детьми и никогда не пугал их амбициозными требовани-

ями. В отличие от Элалии Павловны, он не ждал от своих отпрысков доказательств исключительности ни в плане ума, ни в плане успешности.

— Надо нормально учиться и много читать. — Это он повторял неустанно.

Мама же требовала от детей активности, которая могла бы в будущем привести к головокружительной карьере.

— Вот бросила музыкальную школу, а могла бы уже в Гнесинке выступать, а это прямой путь к хорошему замужеству! Там очень много талантливых и перспективных молодых людей! — укоряла Элалия Павловна дочь.

Увы, к вполне справедливым требованиям примешивались «светские» амбиции — сын должен ловко поддерживать разговор с гостями и галантно «расшаркиваться» с дамами. Дочь должна отлично выглядеть и уметь себя подать.

— Лиза, вот что ты вчера ответила Светлане Петровне, когда она спросила, почему ты поступила в медицинский?

— А я ничего особенного не ответила. — Дочь пожалала плечами.

— Вот именно, а должна была дать понять, что выбор неслучаен — с детства ты мечтала стать врачом, поэтому упрямо и целенаправленно шла в мединститут. Что ты хочешь заниматься научной работой, планируешь поступать в аспирантуру. Такой ответ характеризовал бы тебя как цельную натуру, упорную, работающую девушку. Девушку, которая совершает поступки обдуманно.

— Мам, зачем это Светлане Петровне?

— Ей — незачем, это надо тебе! Это надо твоей семье. Мне. Приятно, когда говорят: «У Чердынцевых дети — умные, воспитанные, целеустремленные». К тому же у Светланы Петровны знакомые есть... в Министерстве здравоохранения.

— А-а-а, — протянула Лиза.

— Не «а-а-а». Речь не о чем-то неприличном. Речь о том, что во все времена важно мнение окружающих. Важны знакомства. Мнение общества. И свое место в этом обществе надо завоевывать.

Элалия Павловна знала, о чем говорила. Свое место в музыкальной жизни Москвы она завоевала титанической работоспособностью, энциклопедическими познаниями в области музыкальной культуры и ярким преподавательским талантом. Эти качества удачно дополнялись амбициозностью и умением обворожить нужного собеседника.

Успех Элалии Павловны пришелся на переломные девяностые. Сама она, в душе проклинавшая перемены, старалась не упустить время и людей. Люди для нее были тем самым «лифтом», который поднимал ее наверх.

Лиза удивлялась маме и понимала, что ничего такого в ее собственной жизни и не случится. Она стеснялась при большом скоплении известных людей — отвечала невпопад, краснела и старалась побыстрее улизнуть из гостиной. Элалия Павловна и сердилась, и смущалась — ей хотелось, чтобы дочь соответствовала ее блестящему

положению. Но дети, увы и ах, росли людьми не-светскими.

Лиза тем временем с удовольствием училась в медицинском на педиатра, ни о какой аспирантуре не думала, а мечтала о тихой районной поликлинике, дежурствах и домашних вечерах с мужем. Мужа она нашла быстро. Андрей, студент-биолог, заехал на кафедру педиатрии за рефератами, встретил там Лизу. Она как раз радостно изучала свою зачетку.

— Отличница? — улыбаясь, спросил Андрей.

— Да, — кивнула Лиза и покраснела. Она обожала получать пятерки. Ей нравилось, когда в аккуратных клеточках ведомости красовались пузатенькие «отлично».

— Что, ни одной четверки? Ни разу?

— Ни одной! — с гордостью подтвердила Лиза. — А у вас?

— А у нас, — с мелким ехидством ответил незнакомый парень, — пятерки получать неприлично. Мы — люди взрослые, серьезные, нам эти школьные дела не «в кассу».

— А кому это — вам?

— Биологам. Я в МГУ учусь на биологическом. Изучаю водоросли.

— А, так бы сразу и сказали! — Лиза рассмеялась. — Водоросли изучать — не детей лечить — это и забубенный троечник может. Никакой ответственности.

— Ну, не скажите... — Молодой человек вмиг стал серьезным.

— Понятно, — перебила его Лиза. — Можете продолжать. Вы сейчас будете убеждать меня, что ваша профессия самая лучшая. Мы пойдем бродить по весенней Москве, лучше по Бульварному кольцу... Или нет, поедem на Воробьевы горы, на смотровую площадку. Мы стоим — за спиной университет, внизу Москва как на ладони. Вы будете говорить, говорить, говорить... И я, сраженная вашей преданностью делу, влюблюсь в вас... Или убью. За болтливость.

— Давно в кино были? — деловито осведомился молодой человек.

— Давно. Можно сказать, и не была почти... Мультфильмы на утреннем сеансе в кинотеатре «Ленинград».

— Тогда лучше и не начинать.

— Вот и я о том же.

— Может, пару коктейлей в клубе «Беглец»? Танцы и караоке?

— А что-нибудь более интеллектуальное?

— Например?

— Хочу на выставку импрессионистов. Но там такая толпа!

— Попробую, хотя и не обещаю. Но это в перспективе. А сегодня можно погулять... Погода отличная! Только вот рефераты надо домой закинуть. Ну, как?

— Вы с ума сошли! Будущие педиатры по чужим квартирам не ездят.

— Вот и не угадали — как раз педиатры по чужим квартирам ездят. На вызовы.